**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

И

**СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ АЛТАИСТИКИ**

(27—28 февраля 2009 года)

•

**THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCE**

CHUVASH LANGUAGE

AND

**MODERN PROBLEMS
OF ALTAIC LINGUISTICS**

(February 27—28, 2009)

УДК 811. 512.111
ББК 81. 2 Чув
Ч 82

*Печатается по постановлению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Ответственный редактор:

Хузангай. А.П., кандидат филологических наук

Составители:

Кузнецов А.В., кандидат филологических наук

Сосаева А.А., старший научный сотрудник

Рецензенты:

Дегтярев Г.А., кандидат филологических наук

Сергеев Л.П., доктор филологических наук

Хисамова Ф.М., доктор филологических наук

Ч82 Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: Сборник материалов Международной научной конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященной 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (Чебоксары, 27-28 февраля 2009 г.). В 2-х ч. – Ч. I. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – 268 с.

В сборник включены статьи участников Международной научной конференции, затрагивающие проблемы научно-теоретического наследия М.Р. Федотова, современной алтаистики, языковых контактов на территории Евразии, чувашского языка и языков центральноазиатского региона, истории тюркских языков, современные вопросы тюркологии, финно-угроведения, иранистики, актуальных проблем этнолингвокультурологии, теорию и практику ономастических, этимологических исследований, теоретических и методологических принципов составления этимологических словарей, новые подходы в изучении литературы, фольклора, педагогики и методики преподавания и т.д.

Статьи печатаются в авторской редакции.

Адресована специалистам-филологам, культурологам, этнологам, аспирантам, учителям, студентам.

УДК 811. 512.111

ББК 81. 2 Чув

ISBN 978–5–87677–109–4

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2009

© Коллектив авторов, 2009

ОСОБЕННОСТИ ГЫИНСКОГО ГОВОРА В КОНТЕКСТЕ СЕВЕРНОУДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТОВ

1. В удмуртской диалектологической науке, несмотря на достигнутые бесспорные успехи, имеется еще немало нерешенных задач. Так, совершенно неравномерно изучены отдельные говоры, входящие в состав северноудмуртского наречия. Тем не менее, следует отметить, что в последние десятилетия именно северноудмуртский языковой ареал оказался объектом наиболее интенсивного изучения в удмуртской диалектологии. Согласно современной классификации удмуртских диалектов [Кельмаков 1998: 42], в пределах северноудмуртского наречия исследователи выделяют 3 группы говоров (или 3 диалекта: верхнечепецкие, среднечепецкие и нижнечепецкие), которые имеют между собой определенные различительные моменты. Наиболее изученным из них является среднечепецкий диалект, своеобразия которого нашли освещение в двух монографиях автора [Карпова 1997; 2005]. Что касается верхнечепецкого и нижнечепецкого диалектов, то по ним имеются лишь отдельные статьи, освещающие в основном частные особенности отдельно взятого конкретного говора [Алашеева 1982: 91–105; 1990: 8–10; Каракулов 1982: 106–115; Тепляшина 1970: 156–196]. До настоящего времени практически не нашли научного освещения в специальной лингвистической литературе говоры северозападной части Кезского района УР. Поэтому с целью обследования языка удмуртов этого ареала в 2006, 2007 годах нами были проведены две экспедиции. Условно говор данной территории мы назвали «гыинским». Он включает в себя говоры жителей дд. Старая Гыя (удм. *вуж гкййы* (~ *гэййы*)), Новая Гыя (удм. *въл' гкййы* (~ *гэййы*)), Медьма (удм. *мэд'ма*), Асан (удм. *асан*), Лудьяга (удм. *луд'д'аг*), Брагино (удм. *брагагурт*) Гыинской сельской администрации и д. Александрово (удм. *куз'мамувыр*) Александровской сельской администрации Кезского района.

По своим наиболее характерным фонетико-морфологическим чертам гыинский говор относится к группе верхнечепецких говоров. Тем не менее, в его языковой системе обнаруживаются отдельные явления, присущие соседним среднечепецким говорам. Это и не удивительно, поскольку соседями с западной стороны являются носители среднечепецкого диалекта население Верх-Люкинской и Люкской сельской администрации Балезинского района), с которыми гыинцы издавна имеют тесные контакты.

Целью данного исследования является описание языковых особенностей, сближающих данный говор с верхнечепецкими, с одной стороны, и выявление явлений, сходных с соседним среднечепецким диалектом, с другой, также определение места данного говора в системе северных диалектов. Фактический материал анализируется и интерпретируется в масштабе северноудмуртского диалектного ландшафта.

1. Остановимся на рассмотрении явлений, общих с верхнечепецкими говорами.

1.1. Система вокализма гыинского говора, как и других верхнечепецких говоров, представлена 7 гласными: *a, o, y, u, э, ѓ, ы*. Первые шесть фонем артикуляционно и акустически не отличаются во всех причепецких диалектах. Отличие составляет лишь фонема *ы*. В верхнечепецких и нижнечепецких говорах она функционирует в одном варианте - *ы*. В отличие от этого, в среднечепецком диалекте данная фонема выступает в трех произносительных вариантах: *ы* - гласный среднего подъема верхнего ряда, *ь* - гласный среднего (средне-нижнего) подъема заднего ряда, *ы̆* - гласный верхне-среднего (среднего) подъема средне-заднего ряда.

1.2. В гыинском говоре, как и в большинстве верхнечепецких говоров, не наблюдается палатализация согласного *t* перед переднерядным гласным *i* в показателе пролатива, в суффиксе - *эти* порядковых числительных и в некоторых наречиях и наречных словах: гыин. - *коркати* 'по дому', *ул'чати* 'по улице', *витэ-ти* 'пятый', *тамысэ-ти* 'восьмой', *оти* (~ *от*) 'там, по тому месту', *тат* (~ *тати*) 'здесь, по этому месту'. Отметим, что явление смягчения *t* в указанных позициях имеет широкое распространение в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, где оно получило развитие, по нашему мнению, под влиянием бесермянского языка.

1.3. В гыинском говоре отсутствует озвончение глухих согласных перед губно-губным *v*: *лысву* 'роса', *дас вит'* 'пятнадцать', *мат'вэй* 'Матвей'. Это явление не встречается в верхнечепецких говорах, но имеет место в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, например: нч. *шуньд ву*, сч. *шуньд ву* (< *шунит ву*) 'теплая вода', нч. *лызву*, сч. *лззву* (< *лысву*) 'роса' и т.д.

1.4. В исследуемом говоре, как и в других верхнечепецких говорах [Алашеева 1990: 9; Ефремова 2006: 11], отмечается явление ассимиляции гласного *ы* в непервых слогах отдельных слов: гыин. - *пужум* (< *пужым*) 'сосна', *пуну* (< *пуны*) 'собака', *турун* (< *турын*) 'трава'. Данное явление

спорадически встречается также в языке удмуртов среднечепецкого региона, чаще всего в речи пожилого населения, также в бесермянском наречии [Тепляшина 1970а: 70].

1.5. В гыинском говоре, как и в большинстве верхнечепецких говоров и глазовском говоре среднечепецкого диалекта, в сочетании *днь*, встречающегося в небольшом количестве глагольных форм, происходит полная регрессивная ассимиляция по месту и способу образования: гыин. – *аъньын* (< *адзъны*) 'увидеть', *кузъын* (< *кудзъны*) 'опьянеть', *лызъын* (< *лыдзъны*) 'читать'. В отличие от этого, в нижнечепецком диалекте, также в ярской и юкаменской группах среднечепецкого диалекта в сочетании *дз* аффриката *з* переходит в свистящий *з*, например: нч., юк., яр. – *адзыны* 'увидеть', *кудзыны* 'опьянеть', *лыдзыны* 'читать'.

1.6. В рассматриваемом говоре, как и в других верхнечепецких говорах [Каракулов 1982: 106; Алашеева 1990: 9], наблюдается выпадение гласных в абсолютном конце слова в следующих случаях:

1) гласного *ы* в суффиксе показателя инфинитива: гыин. – *кошкын* (< *кошкыны*) 'уйти', *турнан* (< *турнаны*) 'косить', *вэран* (< *вэраны*) 'сказать', 4 *бас'тын* (< *бас'тыны*) 'взять'. Данное явление не свойственно другим северноудмуртским диалектам.

2) гласных *ы*, *и* в ряде указательных слов: гыин. – *тат* (< *тати*) 'здесь; по этому месту', *таз'* (< *таз'ы*) 'так; таким образом', *оз'* (< *оз'ы*) 'так; таким образом'. Это явление широко распространено также в соседних среднечепецких говорах [Карпова 1997: 59; 2005: 46].

2. Как уже отмечалось выше, гыинский говор имеет сходные черты с соседними среднечепецкими говорами, которые сводятся к следующему:

2.1. Особенностью гыинского говора, как и среднечепецких, является сохранение в его консонантной системе общепермского анлаутного согласного

**ц* перед гласным *а* в определенном круге слов: *йачэ* 'двое; вдвоем, на пару', *йал'эс* постель, *йамэнэс* 'упрямый' и т.д. Заметим, что в большинстве верхнечепецких говоров данный звук не функционирует. Из других северноудмуртских диалектов употребление билабиального *ц* отмечается еще в нижнечепецких говорах. Встречается он также в языке бесермян [Тепляшина 1970а: 119]. Следует указать, что в большинстве удмуртских диалектов общепермский **ц* заместился согласным *в*, сохранившись лишь в отдельных северных и периферийно-южных говорах.

2.2. В гыинском говоре имеет место явление ассимиляции *й* суффиксального слога или внутри корня (чаще в заимствованных словах) предшествующими согласными *н*, *н'*, *л*, *л'*, *д*, *д'*, *т*, *т'*, *с*, *з*: *вал'л'ос* (< *валйос*) 'лошади', *плат'т'а* (< рус. *плат'йэ*) 'платье', *лыд'д'аны* (< *лыдйаны*) 'считать' и др. Данное языковое явление широко распространено в среднечепецком диалекте. В верхнечепецких говорах, по материалам А.А. Алашеевой [1990: 10], ассимиляция *й* в указанной позиции не наблюдается.

2.3. В описываемом говоре, как в среднечепецких и нижнечепецких говорах, встречаются случаи отпадения этимологического гласного *у* в начале слова перед согласными *р*, *д*, например: *робо* (< *уробо*) 'телега', *далтыны* (< *удалтыны*) 'уродиться'. Аналогичное явление спорадически отмечается также в юскинском говоре верхнечепецкого диалекта, в других его говорах оно не зафиксировано.

2.4. Из морфологических особенностей, сближающих исследуемый говор со среднечепецкими, является функционирование падежных форм с приблизительноместным значением. Из приблизительноместных падежей нами зафиксированы приблизительно инессив и приблизительно иллатив соответственно с формантами *-н'э* и *-н'ын*: *эшэзн'э* 'к другу', *эшэзн'ын* 'у друга'. Параллельно с данными падежными формами в говоре встречаются также конструкции с послелогами, образованными от основ *дор-* и *дин'-у*, около, возле, при': *сос'эдн'э* ~ *сос'эд доры* ~ *сос'эд дин'э* 'к соседу'. Отметим, что употребление послеложных форм в говоре наблюдается намного чаще, чем падежных. В верхнечепецких говорах, судя по материалам А.А. Алашеевой [1992: 16, 18], аналогичные падежные формы отсутствуют: им соответствуют конструкции с послелогами, образованными от основы *дин'-* (*эшэ дин'э* 'к своему другу', *эшэ дин'ыс'* 'от своего друга').

Таким образом, анализ фонетико-морфологических явлений гыинского говора показывает, что данный говор, наряду с верхнечепецкими особенностями, сочетает в себе отдельные признаки среднечепецких говоров, которые не являются преобладающими, т. е. в говоре преобладают верхнечепецкие черты. Все эти данные свидетельствуют о том, что описываемый языковой ареал является переходной зоной между среднечепецким и верхнечепецким диалектами. Обследование других групп говоров верхнечепецкого ареала позволит в дальнейшем более точно определить место гыинского говора как в системе верхнечепецких говоров, так и северноудмуртского диалектного ландшафта в целом.

Сокращения

вч. – верхнечепецкие говоры (верхнечепецкий диалект), гын. – гынский говор, нч. – нижнечепецкие говоры (нижнечепецкий диалект), сч. – среднечепецкие говоры (среднечепецкий диалект).

Литература

- Алашеева А. А.* Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. – Ижевск, 1982. – С. 91–105.
- Алашеева А. А.* Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике верхнечепецкого диалекта удмуртского языка // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. – М.: Наука, 1990. Т. 2: Языкознание. – С. 8–10.
- Алашеева А. А.* Пространственные падежи северноудмуртского наречия: На материале верхнечепецкого говора // Пермистика 3: Диалекты и история пермских языков: Сб. статей. – Сыктывкар, 1992. – С. 16–19.
- Ефремова М.* Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике и морфологии сыгинского говора удмуртского языка / Каф. соврем. удм. языка и методики его препод. Науч. рук. доц. Карпова Л. Л. – Ижевск, 2006. – 88 с. (Рукопись дипломной работы).
- Каракулов Б. И.* Говор села Юски // Образцы речи удмуртского языка. – Ижевск, 1982. – С. 106–115.
- Карпова Л. Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. – Тарту, 1997. – 223 с.
- Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. – Ижевск, 2005. – 581 с.
- Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.
- Тепляшина Т. И.* Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1970. Вып. 21: Филология. – С. 156–196.
- Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. – М., 1970а. – 288 с.